

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТЫ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В САМАРСКОМ ОКРУГЕ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921-1922 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МИССИИ)

© 2005 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Американская администрация помощи – неправительственная благотворительная организация, оказывавшая продовольственную помощь голодающим регионам России в 1921-1923 гг. В статье на материалах Самарского округа рассматривается начальный этап работы АРА (сентябрь 1921-март 1922 г.), направленный на реализацию программы продовольственной помощи детям.

Голод начала 1920-х годов – одна из самых трагичных страниц в истории России. Число голодающих, по разным оценкам, достигало 40 миллионов человек. Наиболее жестоко от голода пострадали Поволжье и Южный Урал. Страна, разоренная I Мировой и гражданской войнами, справиться самостоятельно с этой катастрофой не могла, поэтому правительство было вынуждено прибегнуть к помощи иностранных благотворительных миссий, одной из которых стала Американская администрация помощи (АРА), неправительственная благотворительная организация, которую возглавлял министр торговли США Герберт Гувер. АРА была создана в 1919 г. для оказания гуманитарной, в первую очередь, продовольственной помощи европейским странам, пострадавшим во время I Мировой войны. Несмотря на формально частный характер АРА, она пользовалась поддержкой и президента, и конгресса.

Соглашение между АРА и советским правительством, определившее условия работы АРА в России, было подписано в Риге 20 августа 1921 г. В соответствии с Рижским договором американцы предоставляли продовольствие и другую помощь, советская сторона обеспечивала транспортировку и хранение грузов, помещения и оборудование для столовых, топливо, а также брала на себя оплату труда российского персонала. Финансирование миссии АРА в России шло за счет средств, выделенных конгрессом США, и сбора пожертвований. Первоначально своей задачей АРА ставила оказание продовольственной помощи

только детям (1 миллион порций в день - такова была запланированная цифра)¹. Однако, лицом к лицу столкнувшись с ужасами голода, АРА пошла на расширение своей работы: в марте 1922 г. начала реализовываться программа питания взрослого населения. И по уровню организации, и по масштабам помощь, оказанная АРА, была беспрецедентной. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 миллионов взрослых и детей².

В целом, доля АРА во всей иностранной помощи, оказанной России в 1921-1923 гг., составила 90%³. Тем не менее, можно констатировать, что до сих пор многие аспекты, связанные и самим голодом, и с помощью, оказанной иностранными благотворительными организациями, остаются малоизученными, а эпизоды, связанные с деятельностью АРА, долгое время замалчивались или подвергались искажениям в соответствии с идеологическими требованиями времени. Работа АРА в Самарской губернии практически не изучалась; в публикациях, так или иначе затрагивающих тему голода 1920-х гг., о ней содержатся лишь фрагментарные сведения, в литературе, даже новейшей, повторяется традиционное для отечественной историографии мнение о политизированном характере гуманитарной помощи АРА и приводятся столь же традиционные примеры конфликтов между АРА и местными властями⁴.

Между тем, среди округов, на которые АРА поделила голодающие регионы России, Самарский округ был одним из приоритетных,

что обусловлено рядом причин. Во-первых, описаниями ужасов голода в Среднем Поволжье пестрела западная пресса, и именно в этот регион, пока отсутствовала достоверная информация о нуждах других голодающих областей, для предварительного изучения ситуации были отправлены первые сотрудники АРА. Кроме того, Самара была важным транспортным узлом – и железнодорожным, и речным – что позволяло сравнительно легко доставлять сюда грузы, предназначенные и для самого округа, и для последующей отправки в отдаленные регионы. Документы АРА также свидетельствуют, что взаимоотношения между Самарским отделом АРА и местным руководством складывались крайне тяжело. По сути, отдел находился в ситуации перманентного конфликта с местными властями, что серьезно осложняло работу миссии и, кроме того, привлекало к ней пристальное внимание и руководства АРА, и советского руководства.

Данная статья посвящена первому этапу работы АРА в России – оказание помощи детям, его сложностям и особенностям. Она основана на материалах АРА, главным образом, воспоминаниях первого руководителя округа Уильяма Шафрота, переписке с местными властями и московским управлением АРА, отчетах районных инспекторов, а также истории Самарского округа, составленной в 1923 году его сотрудниками Рональдом Алленом и Гарольдом Флемингом. Архив АРА хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США)⁵.

27 августа 1921 г., через неделю после заключения Рижского договора, первые американцы, сотрудники русского отделения АРА, прибыли в Москву, а 1 сентября в петроградский порт пришел первый корабль с продовольствием. Центральное управление АРА во главе с полковником Хаскеллом оперативно, в соответствии с выработанными в организации методами, приступило к разворачиванию миссии. В самом начале сентября Уильям Шафрот, Франк Голдер и Джон Грегг отправились в поездку по охваченным голодом губерниям Среднего Поволжья с тем, чтобы изучить ситуацию “изнутри”. Увиденное превзошло их самые худшие ожидания. Запасы хлеба в деревнях, которые посетили американцы, давно истощились,

крестьяне использовали в пищу траву, кору, желуди, лебеду. Буквально все вокзалы оказались переполнены оборванными, умирающими от голода беженцами, которые неделями, а то и месяцами ожидали поезда. Стало ясно, что большая часть населения не сможет пережить зиму. Проведя несколько дней в Казани и Симбирске, Шафрот со своими спутниками прибыл в Самару. По его оценке, ситуация в Самарской губернии была еще хуже, чем в соседних Казанской и Симбирской. Самое ужасное впечатление на него произвело посещение детприемника: “жуткая грязь, нехватка оборудования, невероятная переполненность и просто преступное отсутствие соблюдения санитарных норм”. В самом приемнике вместо 60 содержалось 630 детей; большинство из них спали на полу, даже без матрасов, в грязной одежде, больные дети вместе со здоровыми. Подобная картина, как выяснилось, была типичной, большинство детдомов были просто в кошмарном состоянии. “Наш миллион детских рационов мог бы спасти миллион жизней, но это лишь жалкая толика требуемого. Все, что в наших силах, должно быть сделано без малейшего промедления”, – таково было заключение инспекторов, которое они тотчас отправили в Москву. В ответ из столицы пришла телеграмма о назначении Уильяма Шафрота руководителем Самарского округа АРА и отправке в Самару 30 вагонов с продовольствием⁶.

В это же время в Самару прибыли еще несколько сотрудников миссии – Рональд Аллен (который в мае 1922 г. сменит Шафрота на посту главы Самарского округа), Пит Хофстра, Оскар Андерсон и Карл Флоти, а Голдер и Грегг вернулись в Москву.

В первые же дни существования Самарского управления АРА был разработан план действий, и сотрудники приступили к работе. В основу была положена традиционная для АРА схема, обкатанная ею в европейских странах. Общее руководство и контроль оставались в руках Шафрота и американских сотрудников миссии; основной объем работы исполняли российские сотрудники, набранные из местных жителей и получавшие зарплату от советских властей. На них, в частности, возлагались такие задачи, как формирование местных комитетов АРА, подготовка столовых к

работе, систематические проверки и инспекционные поездки по районам, ведение отчетности, транспортировка, разгрузка и хранение продовольствия. Летом 1922 г., во время наибольшей активности АРА, ее персонал в Самарском округе насчитывал 700 штатных сотрудников, 10 000 кухонных работников, а также 12 000 членов комитетов АРА, работавших на добровольных началах⁷.

В соответствии с принятым планом Самарский округ разбили на 7 районов, которые почти совпадали с границами уездов: Кошкинский, Мелекесский, Самарский, Ставропольский, Пугачевский и город Самара. Чуть позже, при корректировке общей схемы операций АРА, в округе добавились еще 2 района – Бузулукский и Клявлинский (частично из волостей Бугурусланского уезда). В состав округа вошли уезды и соседних губерний, что было обусловлено удобством транспортировки. Грузы в Самару, расположенную на пересечении многих транспортных путей, шли и по железной дороге из Москвы, и по Волге из Одессы.

В центральном населенном пункте каждого района действовали конторы АРА, которые подчинялись окружному управлению в Самаре. Первое, что должны были сделать местные сотрудники АРА – подготовить складские помещения, в которые продукты доставлялись из Самары и потом развозились по району. Другая важнейшая задача – подготовка столовых для питания детей. Принципы работы детских столовых детально оговаривались в специальной инструкции.

В соответствии с инструкцией, на местах избирались комитеты АРА, в состав которых входили учитель, врач или фельдшер, агроном, священник, а также представители местного сельсовета, комитета взаимопомощи и кооперативных организаций. В случае отсутствия в деревне вышеперечисленных лиц, как это часто случалось, в комитет включали сельчан, пользовавшихся доверием населения. Состав комитета утверждался инспектором АРА.

Как подчеркивали сами американцы, в их задачу входило привлечение к работе в комитетах образованных, интеллигентных людей, которые смогли бы грамотно наладить

работу питпунктов и пользовались бы авторитетом у местных жителей. Священники, к тому же, прекрасно знали всех прихожан и положение их семей. В европейских странах подобная практика никогда не создавала проблем. Однако в России и, в частности, в Самаре это положение инструкции породило массу конфликтов между АРА и местными властями, которые считали, что АРА намеренно собирает под свое крыло буржуазию и контрреволюционеров.

Первой обязанностью комитетов стали обустройство столовой и кладовой, подбор заведующего и сотрудников столовой, подготовка списков детей, которые будут получать пайки АРА. Списки составлялись в соответствии с числом порций, которое называл уездный инспектор, по двум категориям: 1) дети до 14 лет включительно; 2) беременные и кормящие матери. АРА настаивала, чтобы списки подготавливались самым тщательным образом, и в них попадали только дети, действительно нуждавшиеся в дополнительном питании. В тех населенных пунктах, где имелся врач, списки составлялись на основании результатов тщательного медицинского осмотра. Там, где врачей не было, комитетам предписывалось руководствоваться состоянием здоровья ребенка, а также материальным положением его семьи⁸. Работа по составлению списков оказалась крайне тяжелой в психологическом плане: всем было понятно, что дети, не попавшие в список, фактически приговаривались к голодной смерти. «Все это мучило их до такой степени, что многие инспекторы не могли говорить о своей работе без слез. Одного американца и нескольких русских инспекторов это довело до нервного расстройства», - пишет Аллен⁹.

После завершения всех подготовительных работ комитет приглашал своего районного инспектора, который лично или через инструктора проводил проверку и выдавал разрешение на получение продуктов с районного склада АРА. Расходы на содержание помещения для столовой, оборудование ее необходимым инвентарем, оборудование складов и их охрану, перевозку продуктов и топливо возлагались на сельсоветы.

Таким образом, получением первой партии продуктов заканчивался организаци-

онный этап деятельности комитетов, и они приступали к своей текущей работе, в которую входили: прием, транспортировка, хранение и выдача продуктов; наблюдение за работой столовой; ведение отчетности. В каждой столовой велась книга прихода и расхода, инвентарная книга, а также составлялись регулярные отчеты.

План работы Самарского округа АРА был представлен президиуму губисполкома, который высказал ряд возражений по некоторым пунктам. Во-первых, на местах уже существовала система комитетов помощи голодающим, учрежденных советской властью, которые вполне могли бы взять на себя всю работу, во-вторых, советская власть могла бы организовать транспортировку грузов в деревни. По сути, вопрос заключался в следующем: в чьих руках на самом деле окажется продовольствие, и как оно будет распределяться. Конечно, в этом отношении у АРА была весьма четкая и принципиальная позиция, и Шафроту оставалось лишь донести ее до самарских властей. Он указал, что принятый в АРА принцип комплектования комитетов из местной интеллигенции гарантирует максимальную эффективность работы. Кроме того, согласно статье 12 Рижского договора, АРА имеет “право создавать необходимые организации для выполнения своей работы по оказанию помощи без какого-либо правительственного или иного вмешательства”, а “центральные или местные органы советской власти имеют право быть в них представлены”¹⁰, но не более. На второй встрече президиум еще решительнее заявил о своей позиции; председатель губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко настаивал на том, что АРА не имеет права организовывать собственные комитеты. Ситуация разрешилась только после долгих телеграфных переговоров с Москвой. В конце сентября Самарская контора АРА приступила к организации своих комитетов¹¹.

Как подчеркивает У. Шафрот, губисполком был только рад прибытию продовольствия, поскольку его собственные запасы таили на глазах. Причина конфликтов заключалась в другом: власти не были уверены в том, что АРА преследует исключительно гу-

манитарные цели, и опасались, что американцы, если их не контролировать, создадут сеть комитетов, которые смогут использовать в контрреволюционных целях. Следует отметить, что подобная подозрительность властей была вполне объяснима. Так, незадолго до рассматриваемых событий США участвовали в интервенции против советской России, кроме того, было известно, что Гувер оказывал продовольственную помощь белым, в частности, Юденичу в 1919 г.¹²

Вскоре Шафрот нашел подходящую кандидатуру на должность технического директора АРА, которому поручили набор русского персонала. Им стал Андрей Васильевич Глассон, известный в городе хирург, “человек выдающихся личных качеств, имевший административный опыт”. Никаких возражений со стороны властей эта кандидатура не встретила. У. Шафрот следующим образом описывает русских сотрудников самарской конторы: “Александр Васильевич Бородин, бывший инспектор правительственной кооперативной организации, человек необычайных способностей и здравого смысла, оказался просто бесценным в поиске и инструктировании наших районных директоров. Юрист, бывший полковник Красной Армии, а до того – армии царской, бывший главный бухгалтер крупнейшего банка Самары, переводчица, принадлежавшая к одной из старейших и богатейших фамилий Самары, американец русского происхождения, который скитался по Сибири, и многие другие. Коммунистов среди них не было, хотя при приеме на работу вопросы о политических воззрениях никогда не задавались”¹³. Очевидно, что такой подбор кадров не мог не раздражать власти, которые все больше убеждались в тайной контрреволюционности АРА, ее стремлении так или иначе привлечь в свои ряды неблагонадежные элементы из “бывших”, да еще и обеспечить их жалованием и пайком, которые, кстати, предоставляла советская власть. Забегая вперед, заметим, что в январе 1922 г. для борьбы с “хищением и ненормальностями” к губернской конторе АРА был прикомандирован представитель губчека Ягунов¹⁴.

Буквально через несколько недель после того, как самарский округ начал свою работу,

разгорелся первый серьезный конфликт: был арестован заместитель директора АРА Бородин. Он провел 3 недели в тюрьме, где заболел тифом, вследствие чего “контора на 2 месяца лишилась своего лучшего русского сотрудника”¹⁵. В апреле 1922 г. уже 8 русских сотрудников самарской АРА находились под арестом¹⁶.

Уже после того, как открылись первые столовые АРА, в Самаре был назначен полномочный представитель правительства РСФСР при всех иностранных организациях помощи голодающим Самарской губернии. В своих оценках и участниках миссии АРА, и ее историки единодушны: отношения с местными властями в Самарском округе были очень тяжелыми, и главная “заслуга” в этом принадлежит Мартину Карклину, полномочному представителю правительства при АРА в Самаре. Как деликатно выразился У. Шафрот, М. Карклин удлинял и без того бесконечную бюрократическую волокиту: “Ответ на наши письма представителю правительства всегда приходил очень быстро, и почти всегда – с одним и тем же результатом: нашим вопросом или занимаются, или скоро займутся. После приблизительно четвертого письма на ту же тему наш запрос либо удовлетворяли, либо говорили, что это невозможно. Для нас, учитывая ситуацию, в этом не было ничего смешного”. Шафрот и другие сотрудники миссии были в отчаянии: дети умирали от голода каждый день, а время бездарно тратилось на бюрократические проволочки¹⁷. По словам Шафрота, только краткий визит в Самару полковника Хаскелла, главы миссии АРА в России, не позволил их боевому духу разлететься на куски.

По приезду в Москву Хаскелл провел переговоры с Александром Эйдуком, особым уполномоченным правительства при АРА. Центральное правление время от времени иронизировало по поводу “сложных” взаимоотношений самарской конторы с Карклиным, но чаще им приходилось либо прибегать к помощи Эйдука, либо выезжать в Самару для урегулирования ситуации.

Самым крупным в истории Самарского округа, а, возможно, и АРА в целом, стал конфликт по поводу деятельности полномочного представителя правительства при АРА в Пугачевском уезде Д.Г. Савкина, находившегося

в подчинении у Карклина. Еще в январе Дж. Макклиток сообщил из уезда, что Савкин по своему усмотрению заменял председателей и членов комитетов АРА, постоянно вмешивался в работу районного инспектора Шишкина и остального персонала, навязывал свои правила работы, выпустил постановление, по которому в первую очередь обеды должны получать дети коммунистов, т.е. составление списков должно идти по классовому принципу, и т.д. Все это самым грубым образом нарушало положения Рижского договора. Макклиток встретился с председателем исполкома, изложил ему факты и потребовал немедленной отставки Савкина. Предисполкома заверил, что “требования будут немедленно исполнены, и никаких вмешательств со стороны этого человека больше не произойдет”¹⁸. Тогда же с Савкиным встретился Шафрот и разъяснил ему условия работы АРА, а также обязанности полномочного представителя.

Тем не менее, Савкин продолжал оставаться на своей должности. 23 февраля 1922 г. он издал приказ №7, который передавал все дело продовольственной помощи в руки сельсоветов, а в марте издал приказ об аресте пяти русских сотрудников АРА. Обвинения варьировались от выдачи карточек представителям буржуазии до сопротивления приказу №7. В апреле всех арестованных отпустили, но двоих человек лишили на 2 года гражданских прав, в том числе права занимать ответственные посты. При этом Савкин утверждал, что приказ №7 был предварительно одобрен Карклиным. Ситуация для АРА складывалась весьма неприятная: получалось, что она оказалась неспособна защитить своих сотрудников, кроме того, принципы работы АРА и Рижский договор мог нарушать любой чиновник без каких-либо последствий для себя.

В апреле Сирил Куинн, заместитель Хаскелла, написал Эйдуку весьма жесткое письмо по поводу самоуправства Савкина и несоблюдения им пунктов Рижского договора. В апреле и мае Шафрот неоднократно убедительно просил Карклина уволить Савкина. 13 мая он написал Хаскеллу, что отставки Савкина нужно добиться во что бы то ни стало, поскольку он угрожает нормальной работе в уезде. 23 мая Куинн еще раз потребовал уда-

ления Савкина. Наконец, Луис Лэнди, инспектор Пугачевского уезда, предъявил председателю уисполкома ультимативное требование об отставке Савкина под угрозой прекращения питания в уезде с 10 июня. Карклин был этим глубоко возмущен, но 13 июня пришла секретная телеграмма от Эйдука: “После длинных переговоров директором АРА пришел к заключению необходимости снятия работы Пугачевском уезде Савкина. Нельзя из-за одного человека ставить под вопросом кормление десятков тысяч человек. Прошу получение сего немедленно Савкина отозвать. Используйте его по другой организации, только не по АРА”. 19 июня Аллен получил телеграмму от заместителя Карклина, в которой сообщалось об том, что Савкин “вследствие своей болезни получает отпуск с 15 июня”. В дальнейшем он возглавлял один из отделов уисполкома¹⁹.

На то, чтобы разрешить этот тяжелый и крайне неприятный для АРА конфликт, потребовалось полгода упорной борьбы. Между тем, вполне очевидно, что Карклин мог загасить его еще в январе, а вся ситуация могла заостриться до такой степени только с его согласия.

26 сентября 1921 г. в Самару прибыл первый поезд с продовольствием, а уже 28 сентября была открыта первая столовая АРА на 200 детей. Первым из районов продукты стал получать Балаковский - с 15 ноября 12 тысяч детей в уезде ежедневно получали обеды. Первую сельскую столовую АРА организовала Анна Луиза Стронг, молодая американка, которая приехала в Россию с миссией квакеров и предложила свою помощь АРА. Как отмечает Шафрот, храбрость, абсолютная самоотверженность, готовность переносить самые тяжелые физические нагрузки, страстное желание сделать как можно больше в борьбе с голодом отличали всех “блестящих молодых женщин – участниц благотворительной миссии квакеров”. За трое суток Анна Стронг организовала 10 комитетов; их столовые уже были готовы приступить к работе. Чуть позже продовольствие стали получать Ставропольский, затем Самарский и Мелекесский районы. Последними были открыты столовые в Пугачевском уезде, что было связано с транспортными проблемами. Как пишут сотрудники АРА, многие дети были столь ослаблены, что не могли

сами добираться в столовые, родители привозили их на санках и заносили внутрь²⁰.

АРА старалась сделать все возможное, чтобы не допустить разворовывания продуктов. На уездных складах продовольствие выдавалось только официальным представителям своих комитетов. Продукты взвешивались при выдаче, а затем при сдаче в комитет. В случае кражи или порчи продуктов комитет составлял протокол и немедленно отправлял его уездному инспектору. Поскольку власти были не в состоянии оплатить перевозку продовольствия на этом этапе, крестьяне проводили собрания и принимали решение, кто из крестьян – из тех, у кого в хозяйстве еще оставались лошади - поедет на районный склад за продуктами. Кроме того, вопреки правилам АРА, на деле крестьяне зачастую собирали деньги на транспорт (а также на дрова, ремонт столовых, мебель и т.д.). Выхода из этой ситуации не было, поэтому инспекторы Самарского округа просто закрывали глаза на происходящее²¹.

Выдача продовольствия обычно проводилась ежедневно в присутствии председателя комитета или его заместителя, а также заведующего столовой. АРА настаивала на том, чтобы продукты выдавались только на текущий день, так как это препятствовало их нерациональному или нецелевому использованию. Процесс приготовления обедов также четко регламентировался инструкциями: пищу следовало хорошо проварить или пропечь; повар должен вернуть хлеб весом приблизительно на 30% больше веса полученной муки. Сотрудники столовых – заведующий, повара, уборщицы – имели право получать в столовой обед в размере двойной детской порции, что и являлось их “платой” за работу.

Наиболее обстоятельно оговаривался порядок выдачи обедов. Каждому ребенку, прикрепленному к столовой АРА, выдавали карточку с числами на каждый день. При получении ребенком обеда контролер отрезал или зачеркивал текущую дату, а также делал соответствующую пометку в списке питающихся детей. Нерозданные порции сдавались в ближайший детский дом либо, если их в округе не было, раздавались детям старшего возраста в качестве дополнительных.

Стандартное меню американской столо-

вой было следующим (вес указан в золотниках, 1 золотник равен 4,27 г):

понедельник, четверг: какао - 3,3, сахар - 8, 2, молоко - 15,4, хлеб - 30;

вторник, пятница: рис - 16,4, молоко - 8,2, сахар - 3,7, хлеб - 30;

среда, суббота: кукуруза - 19,9, жир - 4,2, мука - 6,5, хлеб - 30;

воскресенье: молоко - 2,3, бобы - 16,4, жир - 4,2, мука - 6,5, хлеб - 30.

Типичные блюда – пудинг, каша, бобы, а также какао и булки из белого хлеба, которые произвели просто сказочное впечатление на детей, многие из которых никогда раньше не пробовали ничего подобного. Некоторые продукты (кукуруза, рис, фасоль) в меню были взаимозаменяемы²². Калорийность рациона составляла около 700 ккал в день, что, конечно, было недостаточно для нормального развития ребенка. Тем не менее, увеличение калорийности пайка означало сокращение их количества и, соответственно, количества детей, получающих помощь. Впоследствии, в самые напряженные моменты с поставками, АРА снижала калорийность пайка до 500 ккал.

В столовых устанавливалось ежедневное дежурство членов комитета. Дежурные следили за чистотой и порядком на кухне и в помещении столовой, а также за тем, чтобы вся отпущенная на день еда была приготовлена, дети получали полные порции, и продукты, таким образом, не уходили “налево”.

В заключительной части инструкции, которая определяла порядок работы столовых АРА, специально отмечалось, что “если правила эти будут нарушаемы, то столовые будут закрыты и питание будет перенесено в другое место, где будет возможно работать в соответствии с установленными правилами²³.”

Как ни тяжело это было в моральном и эмоциональном отношении, американцы действительно закрывали “провинившиеся” столовые, добиваясь неукоснительного соблюдения порядка. Так, в январе 1922 г. на срок от четырех до десяти дней были закрыты некоторые столовые в Жигулевской, Рождественской и Старо-Бинарадской волостях “в связи с обнаруженными инструкторами злоупотреблениями”²⁴. В том же месяце в ответ на критическую статью в “Коммуне” была

проведена инспекция столовой в Дубовом Умете. В результате уволили повара, укравшего два чайника, и изменили состав местного комитета АРА, так как выяснилось, что 15-20 детских пайков в день выдавалось взрослым (например, членам сельсовета), а в списке питающихся было 5-6 детей из сравнительно благополучных семей²⁵. Примечательно, что подобная педантичность, иногда жестокость, требование строгой отчетности в распределении продовольствия, иными словами, деловой подход к благотворительности, только разжигали недоверие и подозрительность местных властей²⁶.

Одним из стандартных правил АРА, сложившихся еще во время работы в Европе, был строгий запрет на выдачу продуктов домой: “Обеды на дом ни в коем случае отпускатся не могут. Ни в коем случае нельзя также разрешать детям брать с собой несъеденные порции”. Как поясняет У. Шафрот, в случае, если ребенку приносили обед домой, или он забирал его с собой домой, еда неизбежно делилась между всеми членами семьи и в результате никого не спасала от смерти – слишком ничтожными выходили порции²⁷. Вокруг этого правила в Самарском округе – как и во всех остальных – разгорелись жаркие споры. Как вскоре выяснилось, у многих детей просто не было одежды, чтобы дойти до столовой, поэтому они либо не являлись за обедами, либо подхватывали по дороге простуду; были случаи смертей, вызванных подобными заболеваниями. Кроме того, некоторые дети были слишком истощены и не имели сил, чтобы дойти до столовой, и поэтому за их порциями приходили родственники, отказать которым у сотрудников столовых часто не хватало сил. Американцы поначалу настаивали на четком следовании инструкциям и запрещали развоз обедов по домам, но в последствии правила изменили: приготовленную еду АРА разрешила разносить по домам и выдавать больным детям под надзором члена комитета и при наличии справки от врача²⁸.

К середине ноября 1921 г. число детей, получавших питание в столовых АРА, достигло 90000 человек, а 10 декабря Самарский округ вышел на запланированную цифру – 200000 порций в день. В декабре дополнительно

ные детские рационы АРА выдавались во всех медицинских учреждениях губздрави, и детям, и взрослым. Паек состоял из 3/4 фунта ржаного хлеба, 1/4 фунта мяса, 16 золотников кукурузы, 1,5 золотника масла, 4 золотника сахара. Кроме детдомов, пайки АРА по стандартному меню получали городские ясли²⁹.

Зимой в Самаре в качестве сотрудников АРА приехали еще четыре американца: Джордж Макклиток, Луис Лэнди, Генри Вольф и Дадли Хэйл. Пит Хофстра был переброшен в Уфимский округ еще в ноябре, таким образом, штат американцев составил 8 человек. В феврале в распоряжение АРА был предоставлен элеватор, один из самых больших в Европе, вместимость которого составляла 60 тысяч тонн.

Между тем с наступлением зимних холодов ситуация существенно ухудшилась. Инспекционные поездки по южным районам округа показали, что продуктов в деревне практически не осталось, а большинство суррогатов – трава, корни и т.п. – оказались погребены под снегом. Смертность в сельской местности резко возросла и составила, по данным АРА, 3,5% в месяц, что в 25 раз превышало норму; в некоторых районах смертность достигала 5% в месяц³⁰. Кроме того, зимой обострилась транспортная проблема, связанная с ужасным состоянием российских железных дорог. В январе - феврале 1922 г. во всех районах, кроме Ставропольского, возникли серьезные перебои в работе столовых. В Пугачевском районе, в частности, некоторые столовые пришлось закрыть. Самым ужасным было то, что именно Пугачевский уезд сильнее всего страдал от голода. Зерно стало поступать в апреле, его сразу же перемалывали на крупу и муку, и выдавали вместо стандартного детского пайка. Работа транспорта окончательно наладилась только к маю, и АРА вернулась к своему обычному полному детскому рациону.

Крайне тяжелой была и ситуация с гужевым транспортом. Складывалось впечатление, что крестьяне просто не смогут забирать продукты с районных складов. Лошадей и коров в деревнях почти не осталось, а те, что сохранились, были крайне ослаблены. Фуража, конечно, не было тоже. Было ясно, что без компенсации немногие счастливые обладатели лошадей использовать их для

транспортировки продуктов не согласятся.

Для транспортировки в южных районах округа использовали верблюдов. Они оказались гораздо эффективнее лошадей: перевозили в 2 раза больше груза, а фуража требовали в 2 раза меньше. Вид этих южных животных, “вышагивающих медленно, почти педантично, везущих по снежному насту тяжело нагруженные сани” был удивительным³¹. Иногда, если тяглого скота в деревне не было, крестьяне пешком за десятки километров приходили на склады, чтобы на себе донести ценный груз до родных сел.

К счастью, в декабре 1921 г. пришло сообщение о том, что конгресс США выделил 20 миллионов долларов на оказание продовольственной помощи России. Округ стал готовиться к новому этапу работы – организация питания взрослого населения. Известие о расширении программы АРА быстро разнеслось по губернии, хотя все понимали, что продовольствие поступит не раньше марта. В январе АРА кормила уже 350 тысяч детей, тем самым оказывая поддержку самым нуждающимся детям всей губернии, за исключением Бузулукского уезда, где работали английские и американские квакеры, и приблизительно пяти волостей вокруг Самары, где гуманитарную помощь оказывал шведский Красный Крест (миссия Нансена).

Тем не менее, общая ситуация в январе, феврале и первой половине марта была неопишимо страшной. Отчеты районных инспекторов АРА за этот период пестрят ужасными, глубоко трагичными фактами. Из всех уездов губернии поступало все больше достоверных сведений о случаях каннибализма, а в Пугачевском и Бузулукском уездах они стали очень частыми.

Крестьяне выкапывали похороненные тела для того, чтобы употребить их в пищу. Такая судьба, в частности, постигла одного из инспекторов АРА, который умер в поездке, заболев тифом. О том, что его могилу разрыли, а тело украли, в Самаре сообщил местный комитет АРА. У. Шафрот пишет, что в Самаре в тюрьмах видел людей, задержанных за людоедство, некоторые из них сознались в убийстве собственных детей; семь мясных лавок в городе были закрыты за продажу человеческого мяса. Одна из инспекторов, ра-

ботавших в Пугачевском уезде, рассказала Шафроту о ряде документально подтвержденных случаев каннибализма, один из которых ему особенно запомнился: женщина убила “младшего из своих детей, двухлетнего ребенка. Почему? Потому что остальные дети все время плакали от голода. Она не могла это переносить. Она почти обезумела. Затем к ней пришла эта мысль. Она сначала отогнала ее прочь. Она не могла об этом думать. Но мысль все возвращалась. И в конце концов она это сделала. Когда она готовила мясо, зашел сосед. Она рассказала. Всех детей вырвало, когда они это ели. Сама она даже не притронулась. А одиннадцатилетний мальчик забился в угол и плакал. Он сказал, что не будет есть своего маленького братика”.

На крыльце своей конторы сотрудники АРА постоянно находили подкидышей: родители бросали их в надежде, что детей пристроят в один из детприемников, получавших пайки АРА. “И мы всегда так и делали”, – пишет У. Шафрот³².

Главной пищей для людей в эти самые тяжелые месяцы стали кора, навоз, гнилая солома с крыш, некоторые виды глины и коренья. Их добавляли в муку, полученную из костей животных, и пекли из этого “хлеб”. Съеден был не только домашний скот, но и кошки и собаки. В пищу шел навоз и человеческие экскременты.

Инспекторы отмечали и страшные изменения в обществе: честные люди стали преступниками, воровство, грабеж, убийство царят повсюду, представлений о совести и морали не осталось. Из Балаковского и Пугачевского уездов инспекторы сообщали, что люди выкапывают трупы либо выкрадывают их из моргов, приносят домой и готовят из них пищу; те, кто попробовали человечину, утверждали, что это уже не человек, душа улетела, это лишь мертвое тело. Крестьяне легко говорят о возможности есть навоз, и считают человеческое тело навозом. Обо всем этом, как отмечают инспекторы, говорят с любопытным спокойствием и пассивностью, как будто не человека, а “селедку есть”. Более того, “люди начали солить в бочках и заготавливать другими способами много человеческого мяса. Чтобы не есть собственных родственников,

они обмениваются трупами со своими соседями. Трупоедение стало обычным явлением, и некоторые села запрашивали официальное разрешение есть мясо умерших”³³.

Американцы, для которых этот кошмар был повседневной работой, отметили и глубокий контраст между жизнью деревни и Самары: “голод не разгуливает по улицам большого города... Трамваи, электрические огни, современные здания, рестораны и кондитерские, театры и кинематограф – веселье в полном разгаре... А на углах улиц маленькие дети в лохмотьях монотонно тянули молитвы, прося избавления от голода”, да изможденные крестьяне переходили от дома к дому, прося милостыню³⁴.

В целом, инспектора АРА утверждали, что зимой 1921-22 гг. убыль населения (сюда включены умершие от голода и беженцы) в деревнях составила 40-60%; в Пугачевском уезде, по словам инспектора, из 375 тысяч осталось 180 тысяч. Главными причинами названы голод и вызванные им эпидемии³⁵. Подобные цифры лишь подтверждают, насколько важной и своевременной была помощь АРА.

Помимо продовольственной помощи, АРА реализовывала в России и другие благотворительные программы, главной из которых стала программа медицинской помощи. В штате каждой губернской конторы АРА был врач-американец, на которого и возлагалась ее реализация в округе. В целом, за все время работы на эту программу было затрачено около 7,7 млн. долларов³⁶. АРА поставляла в Россию лекарства, вакцины, хирургические инструменты, перевязочный материал, маграсы, простыни, одеяла, пижамы и т.д. для больных, халаты и перчатки для врачей, и многое другое.

В Самаре эту работу возглавил доктор Фред Фукар. Первым направлением деятельности стала поставка лекарств и оборудования в больницы, детские дома и другие учреждения, которые нуждались абсолютно во всем, начиная от йода и бинтов и заканчивая сложным медицинским оборудованием. Наибольших результатов Самарская контора АРА добилась в детприемниках, которые в свое время так потрясли Шафрота своей грязью и переполненностью. Уильям Шафрот срочно наладил питание в детдомах. Через некото-

рое время стало ясно, что для улучшения ситуации этого мало. Тогда на встрече с главой губздравицы Шафрот пригрозил, что приостановит выдачу пайков, но если в домах наведут порядок или, что еще лучше, найдут новые помещения, АРА предоставит одеяла, одежду и обувь. Так или иначе, в течение трех недель власти подобрали под новый детприемник большой дом в центре города, отремонтировали его, поставили кровати, а в течение 3 месяцев вместо всех прежних детдомов были открыты новые просторные, светлые дома. Заметим, что своеобразный шантаж, к которому неоднократно прибегала АРА, обычно заставлял власти действовать и менять ситуацию к лучшему.

Еще одно направление в медицинской программе – распределение одежды, важность которого стала очевидна зимой: многие дети в сельской местности, как упоминалось выше, вообще не имели одежды и не могли посещать столовые. За осень 1921 – весну 1922 гг. было выдано 60000 пар обуви и чулок, 40000 пальто и костюмов³⁷. Таким образом, АРА своими разнообразными программами стремилась добиться максимальной эффективности в реализации гуманитарной помощи.

В середине марта 1922 г. из черноморских портов стали прибывать долгожданные грузы с кукурузой. Округа АРА вышли на новый, более масштабный этап работы: к программе детского питания добавилась программа продовольственной помощи взрослым. Гуманитарная деятельность АРА существенным образом повлияла на ситуацию в деревне. Благодаря той помощи, которую получали и взрослые, и дети, были спасены тысячи жизней, сотням тысяч эта помощь дала силы провести весенние полевые работы и тем самым обеспечить будущий урожай.

В целом, по подсчетам Самарской конторы АРА, детские обеды получал как минимум один ребенок в каждой семье. В самых неблагополучных районах процент был гораздо выше: трое из четырех детей получали американские продукты. Число детских рационов с октября 1921 г. по март 1922 г. выросло с 1 до 300 тысяч. Таблица иллюстрирует динамику работы Самарского округа АРА; для наглядности также приведены данные по соседним округам, а также общие данные по России. В графах таблицы указано количество детей, ежедневно получавших обеды АРА³⁸.

В мае 1922 г. Уильям Шафрот покинул Россию. Церемония прощания оказалась очень трогательной: дети из самарских столовых произнесли благодарственные речи и просто завалили главу Самарского округа охапками цветов. В своих воспоминаниях Уильям Шафрот говорит: “В России до голода Америка была синонимом эффективности, скорости и качества... Теперь в сердцах русских людей Америка также значит бескорыстную помощь и щедрость. Можно ли найти лучшую основу для крепкой дружбы?”³⁹ Как известно, этого не случилось. За АРА на долгое время закрепился образ шпионской контрреволюционной организации, а ее роль в спасении голодающих, да и весь уникальный опыт российско-американского взаимодействия оказались забыты – как на официальном, так и неофициальном уровне. В заключение приведем благодарственное письмо от 4 столовой г. Самары (Пушкинский дом): “Дорогие американцы с вашим приездом у нас в Самаре открылись столовые которые вы открыли для нас бедных детей. Вы кормили нас вкусной кашой, какао и белым хлебом. Выдавали зеленое мыло которым мы каждый день мыли чисто лицо и руки, обувь, девоч-

Таблица. Динамика работы Самарского округа АРА

Год	Месяц	Казань	Самара	Саратов	Симбирск	В целом по стране
1921	октябрь	67 290	1 108			68 598
	ноябрь	105 508	36 381	1 280	2 670	185 332
	декабрь	156 743	185 625	82 010	59 235	568 020
1922	январь	201 662	252 300	146 062	165 158	999 615
	февраль	301 075	257 994	173 979	201 908	1 320 951
	март	338 665	298 651	186 998	238 224	1 558 647

кам платье, а мальчикам костюм. Вы также не забыли наших родителей и помогли им. Этого мы никогда не забудем. И вдруг мы получаем печальное известие, что вы уезжаете от нас на свою родину в вашу милую Америку. Вы нас спасли от голода и смерти. Когда мы будем больше, то мы постараемся быть такими как и вы. Привет американскому народу. Макарова Пана, Калашникова Татьяна, Макарова Лиза, Сергеев Павел, Степанов Леонид, Мрыкин Евгений, Никитин Михаил, Никифорова Ольга, Шкотина Антонина, Внукова Клавдия, Курочкин Леонид, Хохлова Нина...²⁴⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 281-286.
- ² Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919 – 1923. The Operations of the American Relief Administration. N.Y., 1927. P. 557.
- ³ *Ibid.* P. 554; Журкин А. Деятельность Американской Администрации Помощи в 1921-1922 гг. в России. К истории советско-американских контактов // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990. С. 82.
- ⁴ См. например: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М., 2000. С. 80-81.
- ⁵ Hoover Institution Archives (далее – НИА). ARA Russian Unit (далее - ARA Russia).
- ⁶ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ НИА. ARA Russia. 106:4.
- ⁹ НИА. ARA Russia. 106:1.

- ¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т.IV. С. 282.
- ¹¹ НИА. ARA Russia. 81:1.
- ¹² Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921-1923. Stanford, 1974. P. 111.
- ¹³ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ¹⁴ НИА. ARA Russia. 81:8; 105:1.
- ¹⁵ НИА. ARA Russia. 106:1.
- ¹⁶ Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921-1923. Stanford, 1974. P. 36.
- ¹⁷ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ¹⁸ НИА. ARA Russia. 223:2.
- ¹⁹ НИА. ARA Russia. 104:1; 105:1.
- ²⁰ НИА. ARA Russia. 81:1; 106:1.
- ²¹ НИА. ARA Russia. 226:1.
- ²² НИА. ARA Russia. 106:1.
- ²³ НИА. ARA Russia. 106:4.
- ²⁴ НИА. ARA Russia. 105:3.
- ²⁵ НИА. ARA Russia. 104:1.
- ²⁶ НИА. ARA Russia. 105:1.
- ²⁷ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ²⁸ НИА. ARA Russia. 104:8.
- ²⁹ НИА. ARA Russia. 81:8; 106:1.
- ³⁰ НИА. ARA Russia. 224:1.
- ³¹ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ³² *Ibid.*
- ³³ НИА. ARA Russia. 106:1.
- ³⁴ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ³⁵ НИА. ARA Russia. 106:1.
- ³⁶ Fisher H. The Famine in Soviet Russia. P. 529.
- ³⁷ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ³⁸ Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia. P. 556-557.
- ³⁹ НИА. ARA Russia. 81:8.
- ⁴⁰ НИА. ARA Russia. 106:4.

THE INITIAL STAGE OF THE ARA OPERATIONS IN THE SAMARA DISTRICT DURING THE FAMINE OF 1921-1922 (BASED ON THE ARA PAPERS)

© 2005 Yu.Yu. Anshakova

Povolzhsky Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Samara

American Relief Administration was a nongovernmental humanitarian organization, which provided humanitarian help to the starving people of Russia in 1921-1923. The paper treats the initial stage of the ARA work (September 1921 – March 1922) - the establishment of the childfeeding program.